

А.И. Чубинский (Москва)

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ РАБОТЫ МАСТЕРОВ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Имена ряда мастеров Оружейной палаты XVII в. хорошо известны по оружейным памятникам, представленным в постоянной экспозиции Музеев Московского Кремля. Однако еще в середине XX столетия в собрании музея не было практически ни одного предмета русского огнестрельного оружия, который бы мог быть уверенно определен как изготовленный в Оружейной палате первой половины XVII столетия и который мог быть связан с именем того или иного оружейного мастера. На сегодняшний день многие предметы из собрания музея выставлены в экспозиции во многом благодаря тому, что в результате исследовательской работы 1950–1980-х гг. были выявлены имена мастеров, их изготовивших — Пикиты Давыдова, Первуньи Исаева, Ивана и Тимофея Лучаниновых.

Шесть работ замочного мастера Оружейной палаты первой половины XVII в. Первуньи (Первого) Исаева были опубликованы Н.В. Гордеевым в 1954 г., в самом обширном на сегодняшний день исследовании русского огнестрельного оружия из кремлевского собрания¹. Однако исследователь не указывал время работы мастера и не ставил своей целью выявление оружия первой половины XVII столетия.

Дополнения и уточнения к этой части работы Гордеева были приведены в статье 1976 г. хранителя оружейной экспозиции Музеев Кремля М.Н. Ларченко². В результате целенаправленной архивной работы М.Н. Ларченко ввела в научный оборот данные о неизвестных ранее мастерах Оружейной палаты Лучаниновых. Были опубликованы девять произведений Ивана, Тимофея и

Максима Лучаниновых³. В ходе создания новой экспозиции Оружейной палаты в 1981–1986 гг. М.Н. Ларченко выявила еще несколько единиц огнестрельного оружия, изготовленных в Оружейной палате в первой половине XVII столетия, однако без имен мастеров.

В 1984 г. была опубликована статья сотрудника музея Т.В. Мартыновой «Вновь обнаруженные произведения “латных и самопальных дел мастера” Никиты Давыдова». До этой публикации огнестрельное оружие работы Никиты Давыдова было не известно. В этой работе Т.В. Мартынова привела данные о двенадцати пищалях, карабинах и пистолетах работы Никиты Давыдова, описания которых были найдены в описи Оружейной казны 1687 г., а также опубликовала три работы мастера, идентифицированных в собрании музея⁴.

Е.А. Яблонская, хранитель оружейной экспозиции Музеев Московского Кремля с 1989 г., неоднократно приводила новые атрибуции произведений мастеров Оружейной палаты XVII в. на оружейных конференциях и в выставочных каталогах, а также констатировала заметное влияние на русских мастеров голландской и английской оружейных школ⁵.

Итак, в настоящий момент в собрании музея известно несколько десятков единиц огнестрельного оружия, изготовленных в мастерских Оружейной палаты первой половины XVII в. При этом около пятнадцати произведений связываются с именами мастеров, деятельность которых нам известна по архивным документам первых десятилетий правления царя Михаила Федоровича.

Краткая обобщающая характеристика, данная М.Н. Ларченко огнестрельному оружию (в основном пищалям) первой половины XVII в., отмечает замки англо-голландского типа с округлым выступом на нижнем краю замочной доски; стволы с неглубокой орнаментальной резьбой с включением геральдических мотивов, а также ложи с мушкетными прикладами, инкрустированными металлической проволокой в сочетании с перламутром или костью. Считается, что изготовление в Оружейной палате пищалей с аркебузными ложами началось после 1641 г.⁶

Данная работа продолжает исследования предшественников. Новые данные о работах мастеров первой половины XVII в. были получены в основном в результате анализа двух описей царского оружия – Росписи Походной казны царя Алексея Михайловича

1656 г.⁷ и Перписпой книги Оружейной казны 1686–1687 гг.⁸ и последующей идентификации упоминавшегося в этих описях оружия в собрании музея.

Предваряя описание оружия XVII столетия, необходимо сказать несколько слов о предшествующей эпохе. К сожалению, наши знания о ручном огнестрельном оружии Оружейной палаты XVI столетия и о мастерах, его изготовлявших, можно назвать ничтожными.

Немногочисленные документальные сведения об изготовлении такого оружия не могут быть соотнесены с материальными памятниками этого времени. На сегодняшний день известны имена трех самопальных мастеров, которые числились в Оружейной палате (Бронном приказе) в 1573 г.⁹ В музейных собраниях сохранились три предмета – фитильная пищаль и два ружейных ствола XVI в., изготовление которых приписывается московским мастерским¹⁰. Единственным аргументом в пользу такой атрибуции стволов являются выбитые на них клейма в виде двуглавых орлов. С нашей точки зрения, эти клейма должны означать в первую очередь принадлежность к государственному арсеналу, царской казне вне зависимости от места их производства.

Относительно небольшое количество сохранившихся оружейных памятников XVI в. связано с гражданской войной и интервенцией в начале XVII столетия. В результате драматических событий Смутного времени Оружейная палата как совокупность мастерских и хранилищ была полностью разгромлена, ни один образец огнестрельного оружия из числа хранившихся в царской оружейной казне XVI – начала XVII столетия не сохранился¹¹. Тем не менее, мы должны поставить вопрос о преемственности русского оружейного дела XVI и XVII столетий, вернее – времени до Смуты и времени восстановления Оружейной палаты после 1613 г. Именно 1613 г. является той датой, от которой мы отсчитываем историю Оружейной палаты в XVII в.

Ответить на вопрос преемственности русского оружия времени царя Михаила Федоровича по отношению к оружию предшествующей эпохи поможет анализ двух нарезных пищалей с дамасковыми «витыми» стволами работы Ивана Лучанинова (раб. 1614–1625)¹² (рис. 1). С нашей точки зрения, эти пищаля представляют самые ранние из сохранившихся произведений мастеров Оружейной палаты начала XVII столетия. Стволы по сравнению с другими

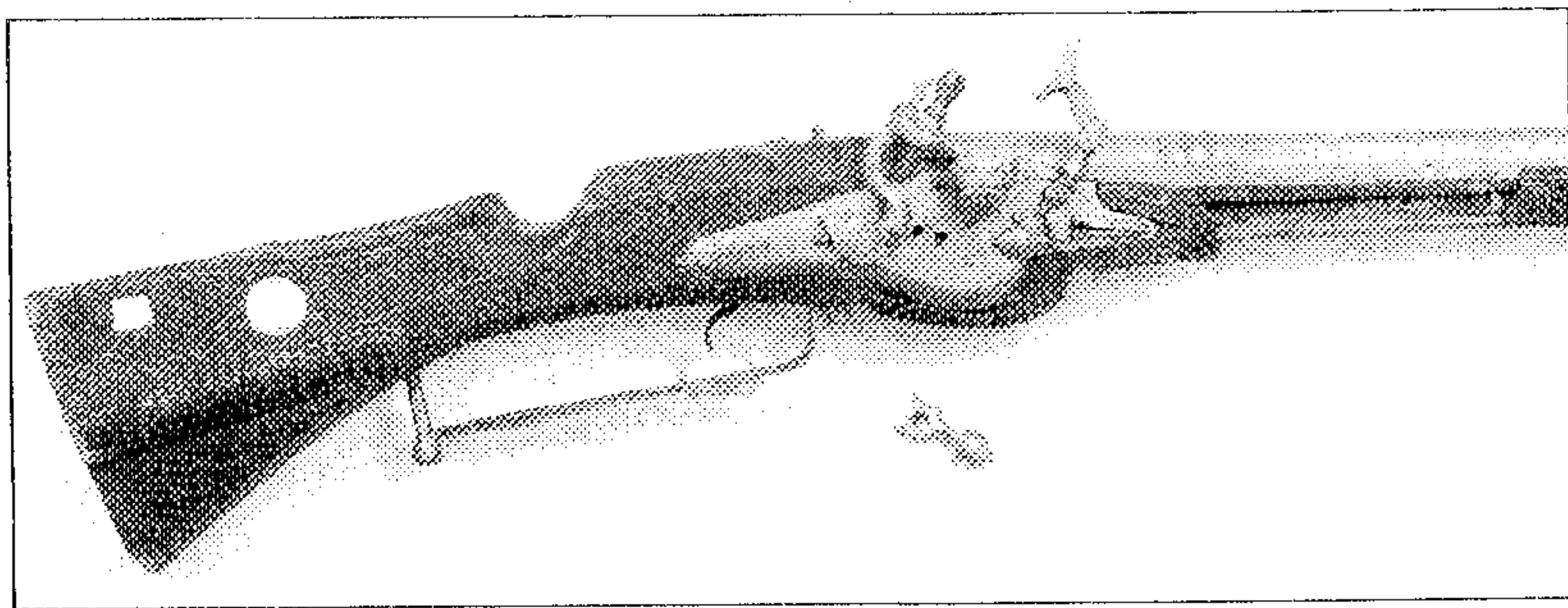

Рис. 1. Пицаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1614–1620. Ствол – Иван Лучанинов, замок – Первуша Исаев, ложа – Роман Устинов. Музей Московского Кремля. Курковый упор снят (инв. № Ор-1907)

работами Лучаниновых можно было считать безыскусными, несмотря на выбранные на дульных раструбах короткие долы-ложки и некогда золоченые поперечные пояски. Тот факт, что в описи царской оружейной казны 1682 г. эти пицали описаны второй и третьей¹³, говорит об их очень высоком церемониальном статусе. Такой статус при наличии намного более декоративных и дорогих предметов можно объяснить лишь древностью. Скорее всего, это были первые пицали, изготовленные для царя Михаила Федоровича в Оружейной палате и использовавшиеся им в качестве парадных.

Оформление стволов этих пицалей не является заимствованием. Европейские дамасковые стволы этого времени неизвестны, а хронологически близкие турецкие стволы выполнены в другой манере¹⁴. Следовательно, остается предположить, что эти стволы продолжают русскую оружейную традицию, существовавшую до Смутного времени. Таким образом, две пицали, изготовленные в первые годы царствования Михаила Федоровича, представляют ключевые памятники исторического собрания Оружейной палаты, которые служат отправной точкой в истории русского огнестрельного оружия XVII в. Эти памятники могут подтвердить мнение хранителя Оружейной палаты в 1860-х гг. Л.П. Яковлева, согласно которому первые оружейные мастера, появившиеся в Кремле в 1613 г., служили в Оружейной палате еще до Смутного времени¹⁵. Автор пицалей Иван Лучанинов, скорее всего, старейший представитель семьи

Лучаниновых, судя по родовому прозвищу является выходцем из города Великие Луки.

Одна из этих пицалей сопровождала царя Алексея Михайловича в Смоленском походе 1654 г.¹⁶, в Росписи Походной казны упомянуты имена мастера-станочника Романа Устинова и замочного мастера Первуши Исаева. Поскольку пицали практически идентичны, можно с уверенностью судить о том, что упомянутые мастера участвовали в изготовлении обеих пицалей (хотя лишь один из замков помечен клеймом мастера). В описи 1687 г. ложа каждой пицали названа «станком яблоновым чешуйчатым»¹⁷. В действительности, ложи пицалей сплошь резаны небольшими выемками; в Европе такой способ декора назывался «дрезденской чешуей» или «дрезденскими раковинами»¹⁸.

Пожалуй, один из самых известных образцов русского огнестрельного оружия XVII столетия – шестизарядный револьвер с ударно-кремневым замком французского типа работы Первуши Исаева (раб. 1614–1625)¹⁹, изготовленный около 1625 г.²⁰ (рис. 2).

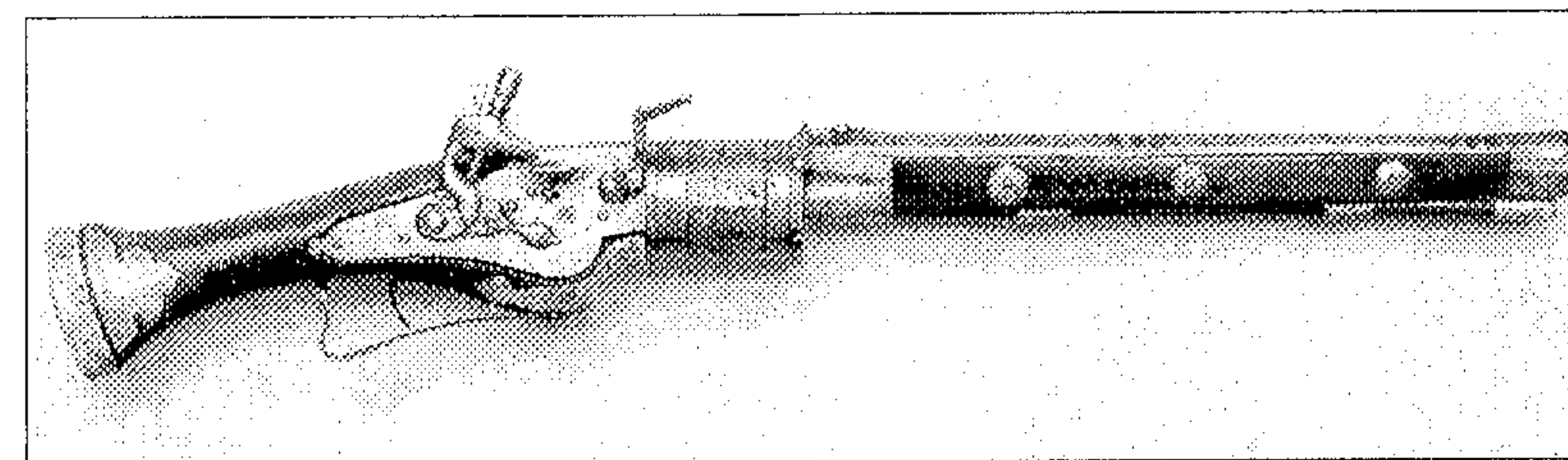

Рис. 2. Пистолет револьверный. Москва, Оружейная палата, ок. 1625. Мастер Первуша Исаев. Музей Московского Кремля (инв. № Ор-160)

Тем не менее, хотелось бы еще раз заострить внимание на этом оружейном памятнике. Пороховая полка на замке связана с верхней камерой в барабане посредством конической «брандтрубки», перезарядка револьвера происходит вручную путем поворота барабана на одну позицию и подготовки к выстрелу замка. Конструктивная схема Исаева, включающая отдельные независимые детали – замок, «брандтрубку» и барабан, гораздо ближе по духу к револьверному оружию XIX в., чем громоздкая конструкция револьверного оружия, сделанного на основании англо-голландского замка²¹. На замочной доске выбито узнаваемое клеймо мастера в виде

лебедя в фигурном щитке. Заметим, что Первунша Исаев является единственным русским мастером первой половины XVII в., клеймившим свои изделия и, кроме того, единственным русским мастером XVI–XVII вв., который в качестве клейма использовал фигуративное изображение, а не буквенные инициалы или имя²². Действительно, подобные изобразительные клейма более свойственны европейским мастерам. Клеймо Первунши Исаева существует в двух вариантах, в одном из них под изображением лебедя можно увидеть буквы, причем вполне вероятно латинские, а не русские. Эти данные могли бы дать возможность считать Исаева европейским по происхождению мастером. Но отсутствующее в святцах имя Первунша показывает, что это все-таки русский мастер²³. Тем не менее, наличие на работах русского оружейника европейских по стилистике клейм остается загадкой. Маловероятно, что для своих работ Исаев использовал в качестве комплектующих деталей доски от замков неизвестного нам европейского мастера²⁴. Другая загадка Первунши Исаева – использование на револьвере французского батарейного замка. Парадоксально, этот револьвер, один из первых уверенно датируемых образцов русского огнестрельного оружия Оружейной палаты, снабжен наиболее прогрессивной конструкцией ударно-кремневого замка. При этом револьвер остается единственным из дошедших до нашего времени русским оружием XVII в., снабженным французским замком²⁵. Еще одна уникальная черта револьвера – использование в декоре барабана золотой и серебряной пасечки. Скорее всего, это первый случай использования пасечки в декоре русского огнестрельного оружия (в декоре доспеха и холодного оружия пасечка традиционно применялась по крайней мере с XVI столетия). При этом вряд ли пасечка выполнена Первуншей Исаевым.

К числу неизвестных ранее оружейных памятников первой половины XVII в. относится парезная казнозарядная пицаль²⁶ калибром 10 мм с вкладным патроном, изготовленная Иваном Лучаниновым: «Пицаль Иванова дела Лучанинова, от казны до пояска з долы мелкими о шти зарядах заправливается с казны...»²⁷ (рис. 3). Вкладной патрон имеет запальное отверстие, совпадающее с запальным отверстием на стволе при фиксации затвором. Кнопка запирания затвора смонтирована на ложном хвостовике, затвор откидывается влево.

У данной пицали, как и у европейских аналогов, исходно было

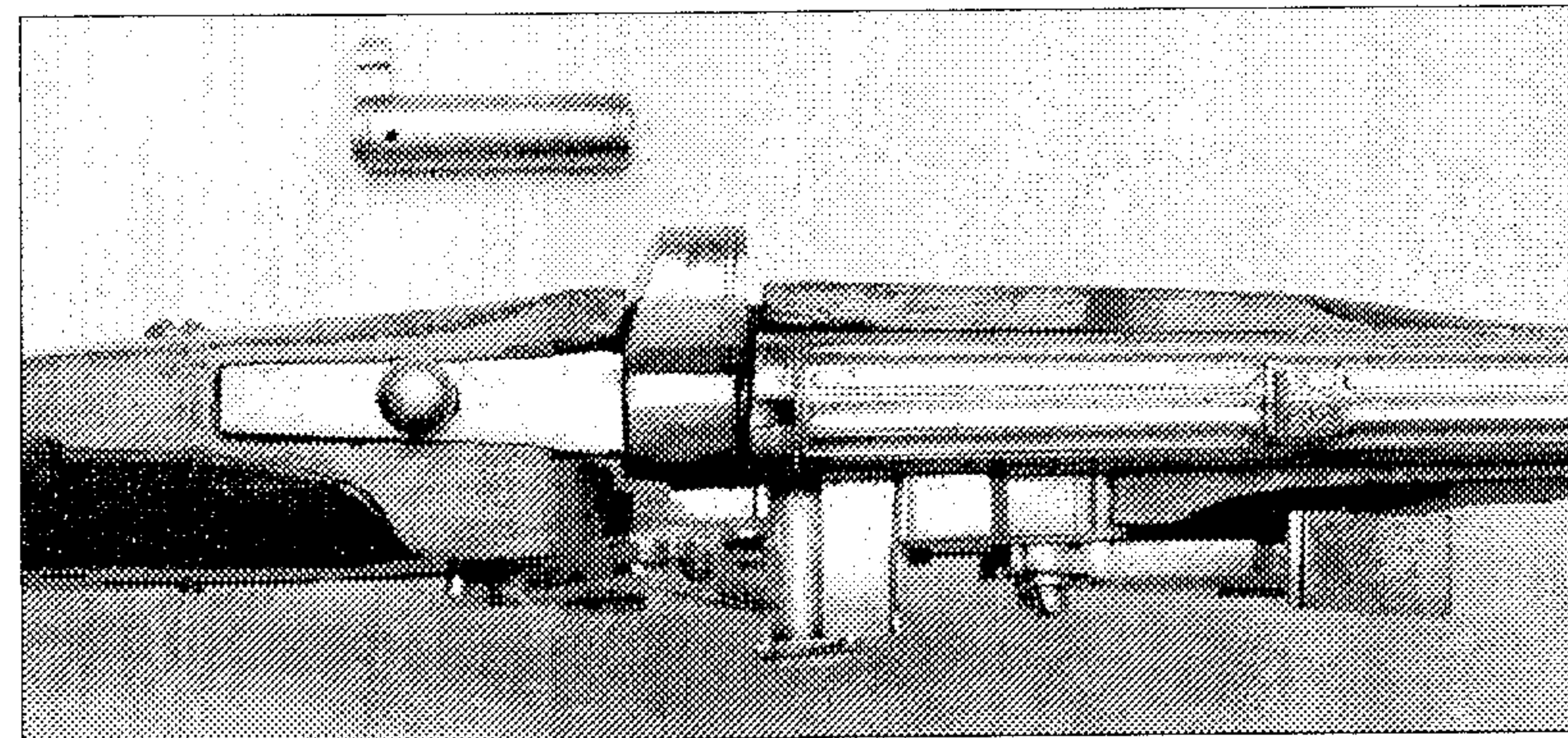

Рис. 3. Пицаль парезная казнозарядная. Москва, Оружейная палата, первая половина 1620-х. Ствол, затворный механизм – Иван Лучанинов. Музей Московского Кремля. На иллюстрации вкладной патрон извлечен из ствола, затвор открыт (инв. № Ор-95)

шесть вкладных патронов, которые снаряжались заблаговременно и носились в сумке при пицали. Считается, что после пяти-шести выстрелов подряд с быстрой заменой патронов ствол пуждался в чистке, поэтому оптимальное количество заменяемых патронов было именно шесть. Однако уже в 1687 г. при пицали сохранился всего один патрон²⁸.

Скорее всего, эта казнозарядная пицаль была изготовлена в то же время, что и револьверные конструкции Первунши Исаева, когда был высок интерес к скорострельному оружию, а судя по известным нам годам деятельности Ивана Лучанинова – в первой половине 1620-х гг. Примечательно, что в XIX в. пицаль не выделялась из числа дульнозарядных: «...при отчистке в 1883 г. оказалась заряжающеюся с казны металлическим патроном...»²⁹.

Еще одно ранее безымянное произведение мастеров Оружейной палаты первой половины XVII в. – парезная пицаль с резным и золоченым стволом работы Тимофея Лучанинова (раб. 1621–1634)³⁰ (рис. 4). Ствол довольно необычной формы: у казны ствол граненый с вогнутыми гранями (долами), к дулу верхняя грань сходит на нет, а две боковые, расширяясь, у дульного среза сходятся почти под прямым углом (на этом «мысыке» нащипана круглая мушка). Подобные стволы в описях 1654 и 1687 гг. носили название «ствол на три грани», их изготовление почти во всех случаях

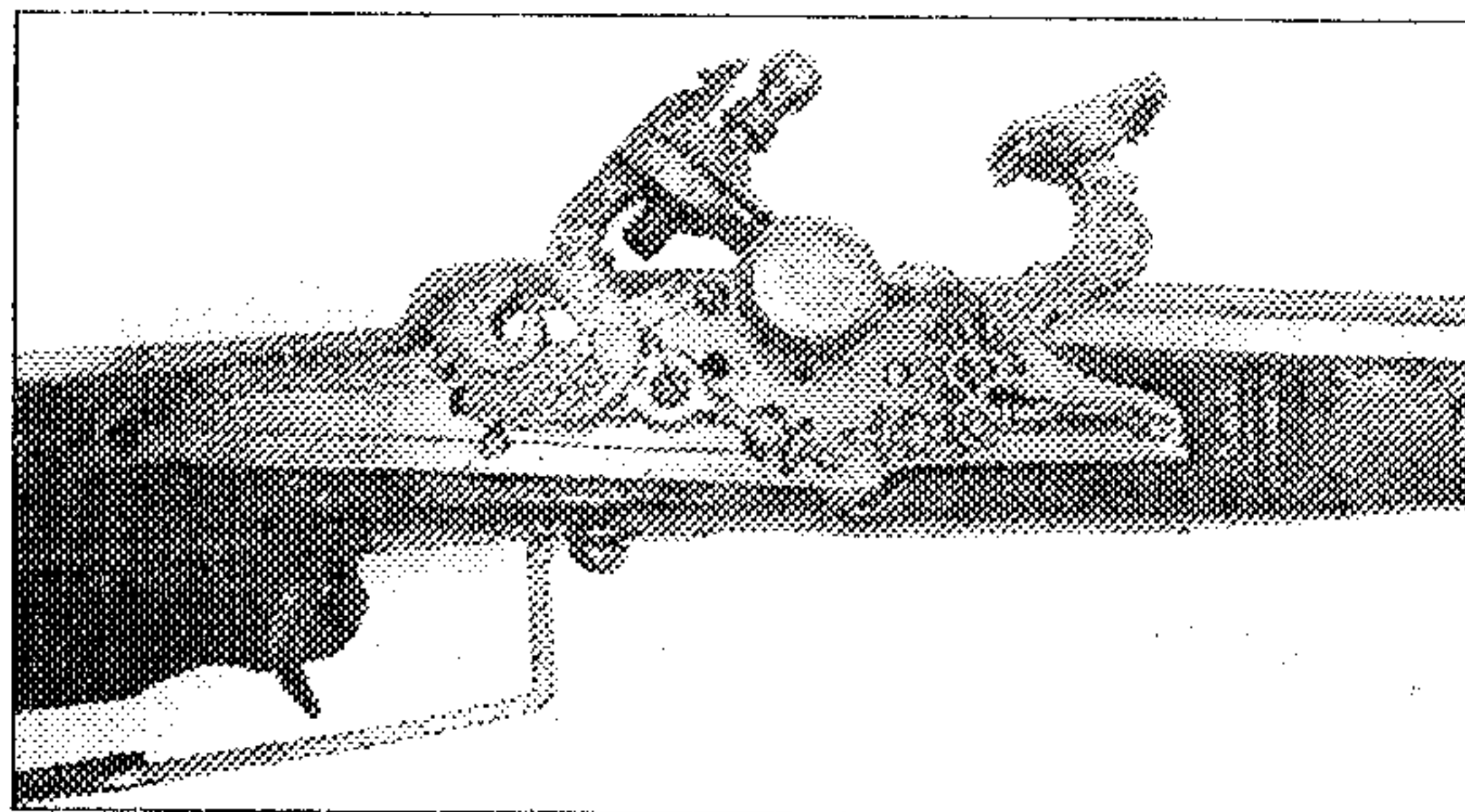

Рис. 4. Пицаль парезная охотничья. Москва, Оружейная палата, начало 1630-х гг. Ствол – Тимофей Лучанинов, замок – Григорий Вяткин. Музеи Московского Кремля (инв. № Ор-453)

связано с именами мастеров Лучаниновых. В описи Походной казны 1654 г. описание пицали включает имена всех трех мастеров, участвовавших в ее изготовлении: «Пицаль Тимофеева дела Лучанинова, станок Ларионова дела [Лариона Дементьева. - Прим. авт.] по местам раковина, замок Григорьева дела Вяткина, [и]а прикладе вырезан орел двоеглавшой»³¹. Ранее считалось, что Тимофей Лучанинов работал в Оружейной палате до 1634 г., а наиболее ранние данные о Григории Вяткине относятся к 1643 г.³² Данная пицаль свидетельствует о том, что эти мастера какое-то время работали совместно, время ее изготовления можно отнести к началу 1630-х гг.

Ложа пицали Тимофея Лучанинова, как и предыдущей казнозарядной пицали, поздняя, XIX в., появившаяся в музейный период существования Оружейной палаты³³. При замене ветхой ложи часть резных перламутровых пластин, в том числе и с изображением двуглавого орла, была переставлена на новую.

В качестве одной из работ третьего мастера Лучанинова, Максима, можно провести карабин³⁴ (рис. 5, 6), описанный в Росписи Походной казны 1654 г. следующим образом: «Карабин винтовальной з долами в трех местах высечены травы и позолочены, а меж трав присищено Максимово дела Лучанинова, а замок Дмитриева дела Никонова весь позолочен, станок красной чипрасовой Ларионова ж дела [Лариона Дементьева], оправа серебряная чеканная в четырех местех»³⁵. О замочном мастере Дмитрие Никонове на сегодня известно лишь одно упоминание в делопроизводственных документах Оружейной палаты в 1649 г.³⁶ Ларион Дементьев – станочный мастер Оружейной палаты – работал совместно с Тимофеем Лучаниновым и даже с Иваном Лучаниновым³⁷. Следовательно, началом его деятельности в Оружейной палате

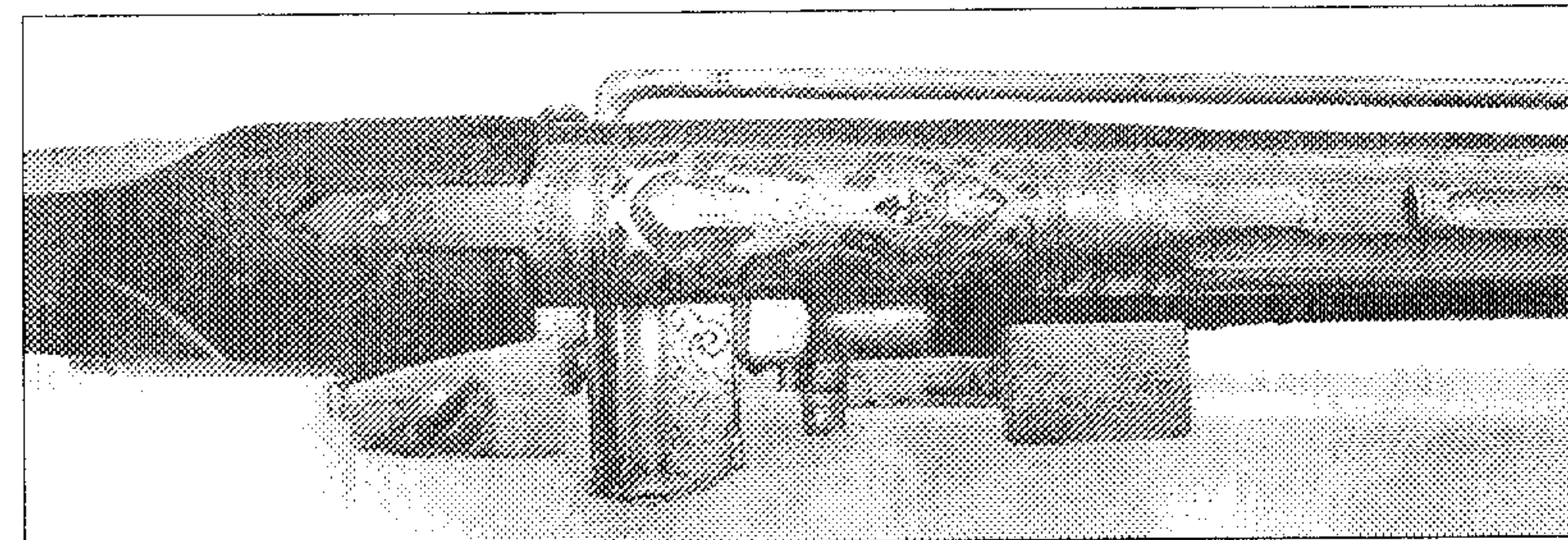

Рис. 5. Карабин нарезной. Москва, Оружейная палата, 1620-е – 1630-е. Ствол – Максим Лучанинов, замок – Дмитрий Никонов, станок – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля. Казенная часть ствола с резным двуглавым орлом (инв. № Ор-1959)

можно считать 1620-е гг. Датировка карабина также должна отталкиваться от 1620-х гг., чему вполне соответствует тяжелый архаичский ствол карабина. Описание этого же карабина в Переписной книге 1687 г.³⁸ не сохранило имени ни одного из мастеров, что, в общем, характерно для оружия первой половины XVII в.

Исключением из этого правила может служить оружие Пикиты Давыдова (раб. 1613–1663), авторство которого аккуратно фиксировалось и в описи 1687 г. Так, следующее описание позволило выявить пару карабинов³⁹ (рис. 7, 8), изготовленных этим наиболее известным русским оружейником: «Пара карабинов гладких стволы красного железа Микитина дела Давыдова, на стволах... по пяти поясков гладких, рески высечены левики, на устьях вытерты

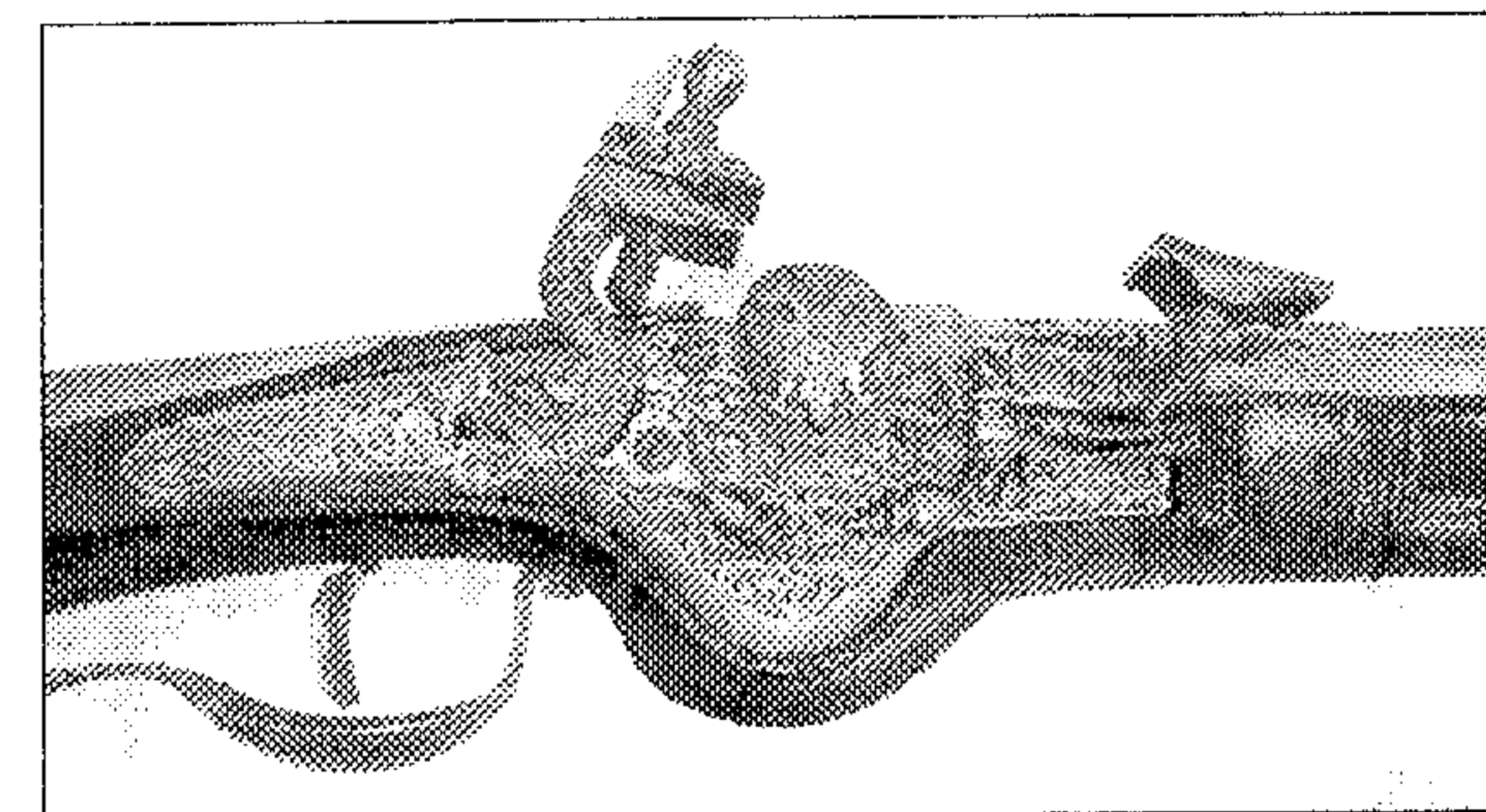

Рис. 6. Карабин нарезной. Москва, Оружейная палата, 1620-е – 1630-е. Ствол – Максим Лучанинов, замок – Дмитрий Никонов, станок – Ларион Дементьев. Музеи Московского Кремля. Резной замок англо-голландского типа (инв. № Ор-1959)

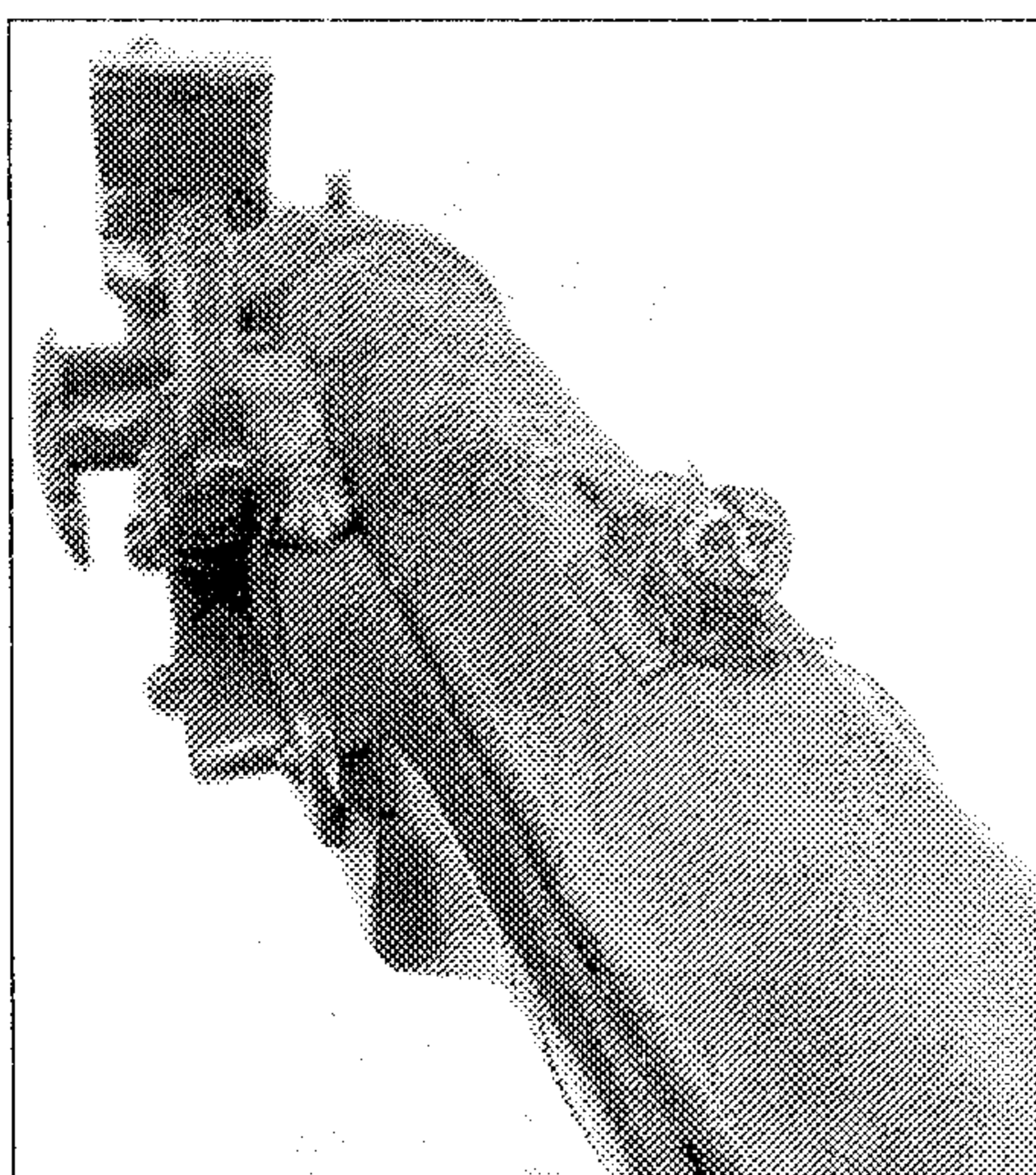

Рис. 7. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Ствол – Никита Давыдов. Музей Московского Кремля. Прицел в виде льва (инв. № Ор-1945)

ками на короткую казенную, относительно длинную среднюю часть с верхней гранью, и длинную дульную часть с ребром по линии прицеливания. С другой стороны, известно, что сильнейшее влияние на работы мастеров Оружейной палаты оказал голландский карабин⁴¹, переданный в дар царю Михаилу Федоровичу

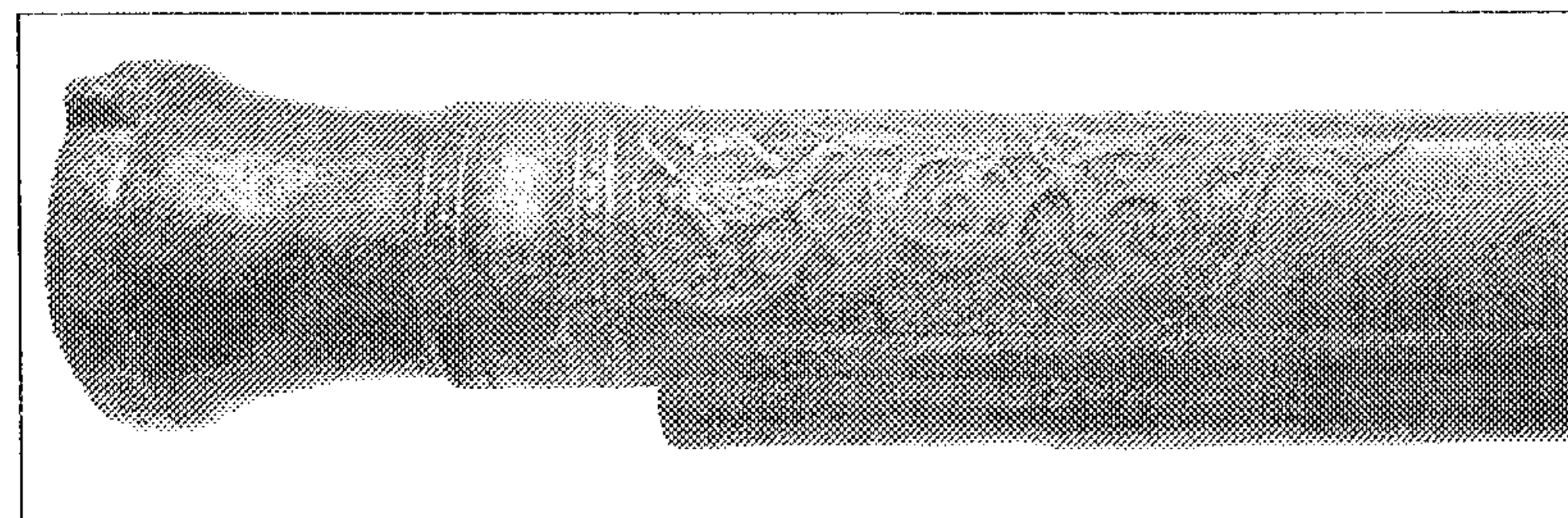

Рис. 8. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Ствол – Никита Давыдов. Музей Московского Кремля. Орнамент на дульном раструбе (инв. № Ор-1945)

яблоками на турецкое дело с выемками... от средних мишеней до дулов ствола отерты остро, замки... травчетые, золочены сплошь, станки индейскова дерева гладкие»⁴⁰. На дамасковых («красного железа») стволах карабинов установлены прицелы («резки») в виде фигурок сидящих львов (прорези сделаны в головах животных между ушами). Дульные раструбы на стволах с намеченными гранями определены составителями описи, как сделанные по образцу турецких. Турецким влиянием можно объяснить и оформление стволов в целом: размещение декоративных зон, членение поя-

голландским торговым агентом Карлом де Муленом в 1630 г. Правда, на голландском карабине установлен турецкий по происхождению ствол, но резьба по металлу выполнена европейским мастером. Таким образом, мы не можем уверенно судить об источниках появления в Оружейной палате стволов аналогичных по дизайну, кажется, что подобных стволов, изготовленных кремлевскими оружейниками до 1630 г., не имеется.

Стилистика резного растительного орнамента на стволах Никиты Давыдова⁴² не является прямым заимствованием ни европейских, ни известных нам турецких оружейных образцов и требует отдельного исследования. При этом восточное (иранское) происхождение этого орнамента очевидно. Один из характерных орнаментальных мотивов в резьбе Никиты Давыдова – двойной утолщающийся лист, отходящий от тонкой S-образной ветви – не встречается в произведениях других оружейников Оружейной палаты. Не встречается этот мотив и в образцах орнамента Никиты Давыдова, насеченных золотом на царских доспехах. Можно предположить, что стилистика резного орнамента Никиты Давыдова уходит корнями в русское искусство XVI в.

Краткий обзор оружия первой половины XVII в. необходимо дополнить ранее неизвестными работами мастеров Вяткиных, Григория и Кондратия⁴³ (рис. 9, 10).

Одна из наиболее ранних идентифицированных на сегодняшний день работ Григория Вяткина – парезная пицаль с резьбой на стволе и замке, с мушкетной ложей, инкрустированной завитками серебряной проволоки и серебряными звездочками, перламутровыми пластинами с гравировкой. В описи 1687 г. эта пицаль описана так: «Пицаль виштоватая Григорьева дела Вяткина, на стволу... мишени, а в них три звери – лев, инок, грив... замок английской... станок яблоновой... на станку оправы в трех местех серебряная золоченая; а по пыншней перениси ... две раковинки под шурупами попорченны... задок – дощечка серебряная»⁴⁴. Роспись Походной казны 1656 г. дает нам имя мастера-станочника и уточняет автора замка: «Пицаль ствол и замок Григорьева дела Вяткина, станок Ларионова дела с раковинами»⁴⁵, это, очевидно, Ларион Дементьев. Ствол пицали напоминает лучаниповские по манере рельефной резьбы (орнаментальные и фигуративные изображения с плоской поверхностью получены простым заглублением фона) и по графике изображений. Скорее всего, пицаль датируется 1630 гг.

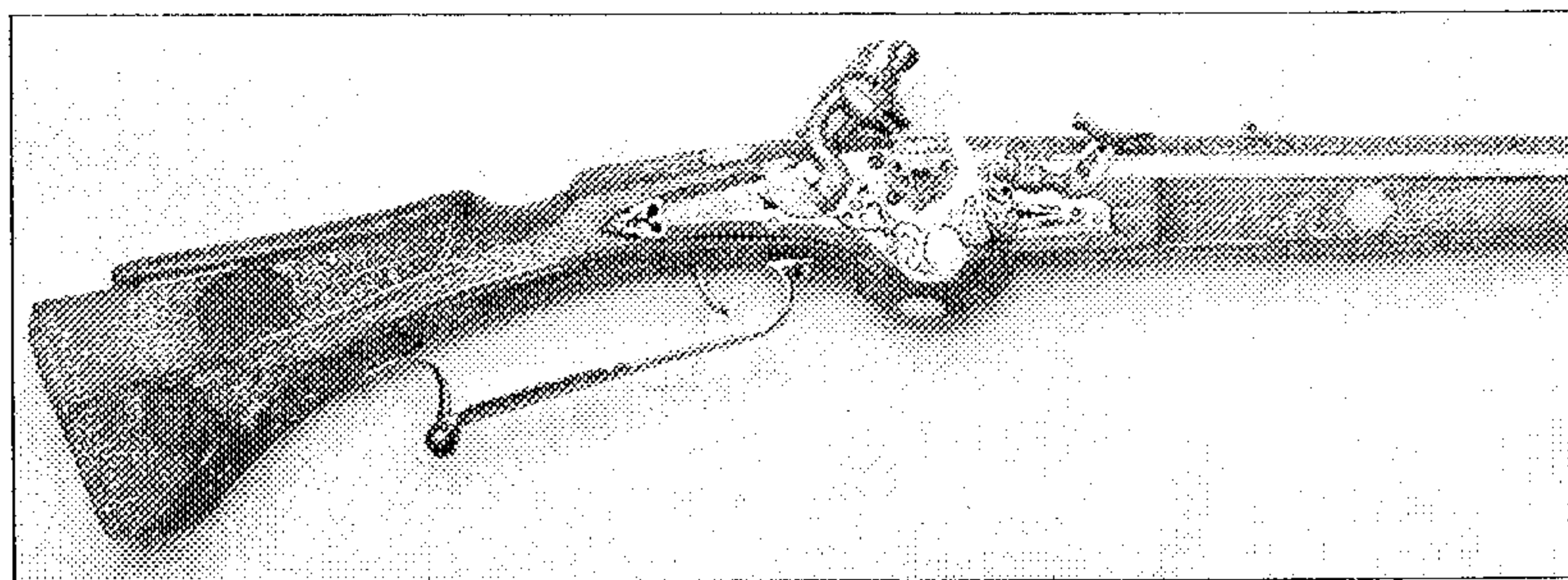

Рис. 9. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е. Ствол, замок – Григорий Вяткин, ложа – Ларион Дементьев. Музей Московского Кремля (инв. № Ор-437)

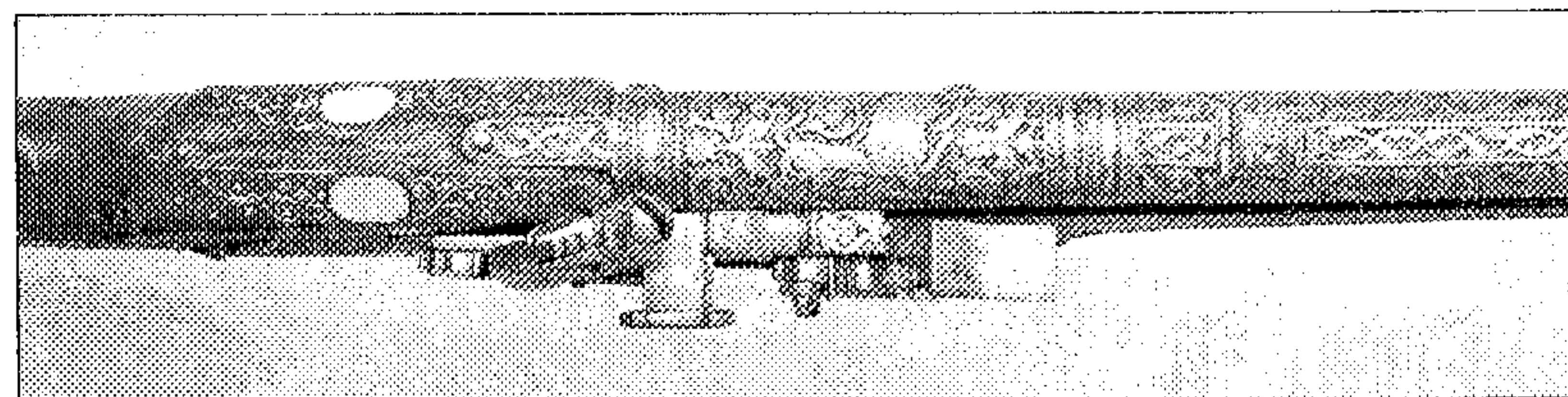

Рис. 10. Пищаль нарезная охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е. Ствол, замок – Григорий Вяткин, ложа – Ларион Дементьев. Музей Московского Кремля. Казенная часть ствола с резным изображением льва (инв. № Ор-437)

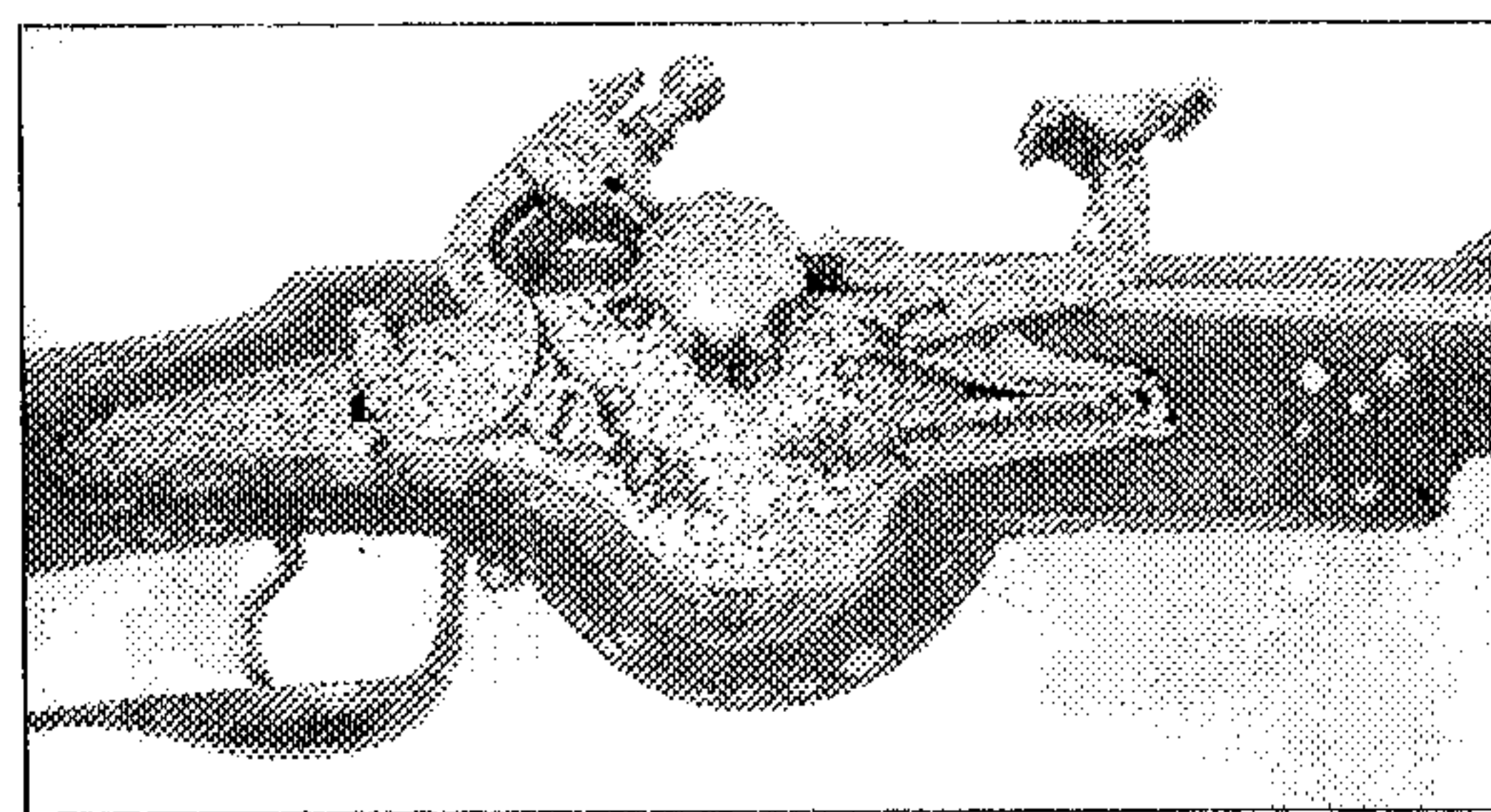

Рис. 11. Карабин. Москва, Оружейная палата, 1640–1647 гг. Музей Московского Кремля. Замок работы Кондратия и Григория Вяткиных, сплошь насеченный золотом; подопливающая планка отсутствует (инв. № Ор-1962)

Более поздняя совместная работа Кондратия и Григория Вяткиных – карабин и пара пистолетов⁴⁶ (рис. 11), возможно, единственный русский кавалерийский гарнитур XVII в. Переписная книга 1687 г. описывает карабин как «... Григорьева да Кондратьева дела Вяткиных... станок яблоновой Алфимова

дела Яковлева... делан тот карабин при боярине при князе Борисе Александровиче Репнине»⁴⁷. Таким образом, карабин был выполнен в соавторстве Кондратием и Григорием Вяткиными. Действительно, насечка золотом на стволе отличается от насечки на хвостовике и на замке. Судя по аналогиям, декор хвостовика и замка был выполнен Григорием Вяткиным. Изготовление карабина относится ко времени руководства Оружейным приказом Б.А. Репнина, то есть к 1640–1647 гг. Упомянутые пистолеты имеют полностью аналогичный декор, а их описание в 1687 г. почти точно повторяет описание карабина: «Пара пистолей, стволы и замки наведены золотом травы сплошь, Григорьева да Кондратьева дела Вяткиных; стапки Алфимова дела Яковлева с раковины и с наводом серебряным; делано при боярине при князе Борисе Александровиче Репнине»⁴⁸. При этом формулировки, которые позволяют уточнить время изготовления оружия, в Переписной книге 1687 г. крайне немногочисленны. Интересно, ранее карабин считался изделием голландских оружейников первой четверти XVII в.⁴⁹

Завершая рассмотрение отдельных образцов огнестрельного оружия первой половины XVII в., необходимо указать верхнюю временную границу исследования. Такой датой может служить 1654 г., год выступления русской армии в Смоленский поход. Затянувшаяся война с Речью Посполитой 1654–1667 г., а также эпидемия чумы 1654–1656 гг.⁵⁰, не могли не отразиться на производстве огнестрельного оружия в Оружейной палате.

Суммируя и обобщая имеющуюся информацию об огнестрельном оружии, сделанном мастерами Оружейной палаты в 1613–1654 гг., рассмотрим характерные черты основных оружейных деталей этого времени. С первых лет царствования Михаила Федоровича в Оружейной палате изготавливались хорошего качества пищальные стволы, в том числе нарезные и дамасковые. Для этих стволов была характерна казенная часть, обточенная гранями или мелкими долами, круглая в сечении длинная дульная часть с ребром по линии прицеливания, дульный раструб или дульное расширение. Граненые по всей длине (как правило, восьмигранные) стволы появились ближе к середине XVII в. Наиболее ранняя форма мушки – железный шарик или невысокий округлый столбик, папаянный у дульного среза. Несколько позднее появилась мушка в виде прямоугольной продольной пластины, а к середине XVII в. на пищалах и карабинах устанавливали Ш-образную в сечении мушку из трех

продольных пластин (крайние пластины более низкие) на общем основании, которое заклинивалось в поперечной прорези в дульной части ствола (крепилось на «ласточкин хвост»). Достаточно рано появились прицелы в виде щитка с прорезью на широком основании, которое врезалось в верхнюю грань близ казны на «ласточкин хвост». Однако на раннем русском оружии были попытки воспроизведения диоптрического прицела, заимствованного, скорее всего, у турецкого оружия, изредка встречались прицелы в виде прорези на поперечном гребешке на казенном срезе. На пистолетных стволах прицельные приспособления отсутствовали.

Декор стволов первоначально мог исчерпываться золочеными поясками. Затем на стволах появились позолоченные и посеребренные зоны, гравировка и рельефная резьба, заключающаяся в углублении фона без дальнейшей проработки изображения. Такой резьбой украшены стволы работы мастеров Лучаниновых, ранние работы Никиты Давыдова и Григория Вяткина. Золотая насечка на стволах появляется в 1640, возможно, 1630-х гг., и ее использование на огнестрельном оружии, скорее всего, было начато мастерами Вяткиным, Кондратием и Григорием. В то же время эпизодические случаи насечки (например, барабан револьверного пистолета Первухи Исаева) были и ранее. Тимофей Лучанинов и Никита Давыдов владели техникой насечки, но не использовали ее в декоре стволов. В изображениях на стволах мастера Оружейной палаты до конца века не сумели выработать единого порядка, изображение двуглавого орла могло наноситься и на казну, и в средней части ствола, и у дула (в одном случае гравированный двуглавый орел в средней части ствола перевернут). Надо также отметить, что если насечка и золочение на стволах Оружейной палаты XVII в. сохранились удовлетворительно, серебрение сохранилось фрагментарно, то воронение («сипение») утрачено полностью.

Ударно-кремневые замки, производившиеся в Оружейной палате для царского оружия, в подавляющем большинстве принадлежат англо-голландскому типу⁵¹. Наиболее ранние образцы замков изготовлены Первухей Исаевым, который также был знаком с конструкцией французского батарейного замка. Первуха, за исключением золочения и легкой гравировки, практически не декорировал свои замки, при этом он является единственным русским мастером первой половины XVII в., клеймившим свои изделия. В 1630-е гг. появились резные замки англо-голландского типа, источником для

орнаментации замков служило привозное, в первую очередь голландское оружие. Однако, возникновение в 1630–1640-е гг. оформления замка с прорезными деталями – щитком пороховой полки, стойкой огнива и подогнивной планкой⁵² – по всей видимости, следует считать русским декоративным новшеством. Обронная резьба на замках появилась позднее, во второй половине столетия. Внешние предохранители случайного спуска на замках и ложах (преимущественно пистолетных) встречались только на оружии первой половины XVII в., скорее всего, эти детали заимствованы у английского оружия.

Остается открытым вопрос об использовании мастерами Оружейной палаты ударно-кремневого замка русского типа. Первый точно датированный русский замок на царском оружии датирован 1654 г.⁵³ Но мы не можем уверенно указать ни одного русского замка, изготовленного ранее середины XVII в.⁵⁴ При этом русский замок существовал, по крайней мере – с конца XVI в.⁵⁵ По всей видимости, отсутствие русского замка на оружии, сделанном «про государев обиход», можно объяснить вкусами и предпочтениями царского двора. Вряд ли механизм англо-голландского замка был заметно более надежным.

Именно в первой половине XVII в. изменилась форма нижнего края замочной доски англо-голландского замка. Это связано с переходом станочных мастеров Оружейной палаты от мушкетных лож к аркебузным (вряд ли это изменение отражает эволюцию всего русского оружия XVII в.). Замочные доски с округлым выступом снизу, нефункциональной и избыточной деталью, доставшейся от колесцового замка, были принадлежностью мушкетных лож, а также станков карабинов и пистолетов с аналогичным выступом на ложе под замком. В действительности, как мы видели выше, первые ложи работы мастеров Оружейной палаты – мушкетные. Ранее считалось, что начало изготовления аркебузных лож в Оружейной палате можно ограничить 1641 г.⁵⁶ Однако аркебузные ложи по многочисленным косвенным данным в Оружейной палате начали изготавливать заметно раньше. Аркебузная ложа вышеописанной казнозарядной пистолети работы Ивана Лучанинова, изготовленная до 1625 г., – поздняя, XIX в. Однако известно, что при замене старых ветхих лож новыми, массово проводившейся в Оружейной палате в начале 1830-х гг., мастера пытались воспроизвести форму исходной ложи. Замок казнозарядной пистолети имеет

ровный нижний срез доски, что также подтверждает аркебузную форму приклада. Наконец, в описи Оружейной палаты 1808 г. имеется запись, согласно которой у данной пиццали «закрышки на прикладе пет»⁵⁷. Ящик для принадлежности на прикладе, задвигавшийся продольной крышечкой, на ложах работы мастеров Оружейной палаты присутствовал только на пиццалах с аркебузными прикладами.

Таким образом, можно считать доказанным, что аркебузные ложи изготавливались в Оружейной палате уже в 1620-х гг., параллельно делались и мушкетные ложи, позднейшая из известных датируется 1645 г.⁵⁸ Исключением могла бы служить охотничья пиццаль из постоянной экспозиции Оружейной палаты, согласно надписи на стволе изготовленная для царя Петра Алексеевича в 1688 г.⁵⁹ (рис. 12). Однако мушкетная форма ложи с необычной

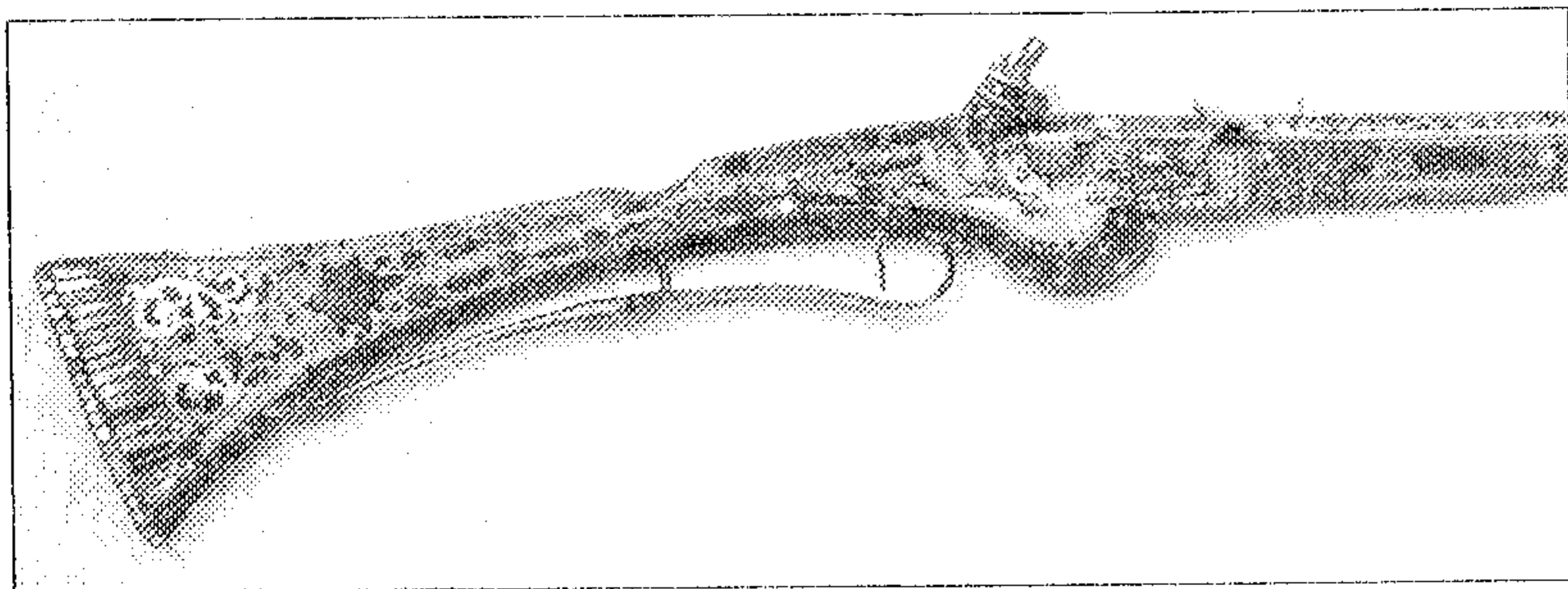

Рис. 12. Пиццаль охотничья. Москва, Оружейная палата, 1630-е – 1640-е. Музей Московского Кремля. На стволе нанесена надпись, согласно которой пиццаль принадлежала царю Петру Алексеевичу, и дата «1688» (инв. № Ор-102)

для второй половины XVII в. спусковой скобой, а также гладкий замок убеждают в том, что пиццаль была сделана в мастерских Оружейной палаты не позднее 1640-х гг. А надпись на стволе (возможно, и инкрустация на ложе) была выполнена непосредственно перед передачей этой пиццали молодому 16-летнему царю.

Нужно отметить, что аркебузные приклады Оружейной палаты имели отличие от классического «немецкого приклада»⁶⁰ – заметно большую длину⁶¹. Кроме того, на аркебузных прикладах Оружейной палаты продольный нижний выступ, делающий левую сторону приклада заметно более широкой, чем правую, также

отличался по форме от немецкого прямым левым краем. Поскольку в отечественной литературе нет устоявшегося наименования этого выступа⁶², в качестве такового можно было бы предложить «лопасть аркебузного приклада», что отчасти согласуется с наименованием XVII столетия, когда эта деталь именовалась «перо»⁶³. Целзя исключить, что такая разновидность аркебузного приклада появилась в России еще в XVI в.

У мушкетных лож работы станочных мастеров Оружейной палаты первых десятилетий XVII в. также имеется деталь с неизвестным источником происхождения. От известных нам английских, голландских и немецких прикладов их отличает характерное оформление гребня приклада. Гребень вырезался в виде прута, его концы (у затыльника и перед вырезом на шейке приклада) закрывались металлическими (серебряными) накладками-обоймицами. В то же время, остаются несомненными английские и голландские источники декора мушкетных лож в Оружейной палате первой половины XVII в. Этот декор построен на сочетании инкрустации серебряной проволокой и серебряными гвоздиками-звездочками с перламутровыми вставками разной формы и величины, на которых гравированы орнаментальные и фигуративные изображения. Упомянутые выше мастера Оружейной палаты Ларион Деметьев, Алфим Яковлев, а также Постник Иванов⁶⁴ работали именно в этой манере.

Итак, оружие первой половины XVII в., изготовленное в Оружейной палате в 1613–1654 гг., обладает рядом признаков, отличающих его от работ кремлевских мастеров второй половины столетия. Ранние работы мастеров Оружейной палаты указанного периода, по всей видимости, следуют традициям русской оружейной школы, сформировавшейся до Смутного времени, и в то же время испытывают сильнейшее влияние английского, голландского и немецкого оружия. Влияние восточной оружейной традиции в первой половине XVII в. ни в какой степени не может быть решающим.

¹ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 40–46.

² Ларченко М.И. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты

первой половины XVII века // Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1976. С. 24–38.

³ М.Н. Ларченко привела также данные о мастере Дружинне Лучанинове (см.: там же. С. 26, 34, 35), но в настоящий момент его работы не обнаружены, а крайне скудные документальные данные об этом мастере заставляют задуматься: не выступает ли под этим именем кто-то из уже известных нам Лучаниновых, поскольку русское имя Дружина (отсутствующее в святцах) не исключает второго, христианского имени.

⁴ Мартынова Т.В. Вновь обнаруженные произведения «латных и самопальных дел мастера» Никиты Давыдова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века. Материалы и исследования. М., 1984. С.179–180.

⁵ См., например: Государева Оружейная палата. [Каталог]. СПб., 2002. Кат. 74.

⁶ Государева Оружейная палата. СПб., 2002. [Каталог]. Вступит. ст. И.А. Комарова С. 25. Предполагается, что пара аркебуз, подаренных царю Михаилу Федоровичу датским «королевичем» Вальдемаром в 1641 г., послужила образцом для изготовления в Оружейной палате длинноствольного оружия с аркебузным прикладом.

⁷ Роспись Походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1656 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 5692.

⁸ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1686–1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936.

⁹ Левыкин А.К. Оружейная палата в XVI столетии // Материалы и исследования. Вып. 11: Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 248.

¹⁰ Пицаль и ствол из ВИМАИВиВС, см.: Л.К. Маковская 1992. С. 104, рис. 48, инв. № 1/882, С. 101 рис. 40, инв. № 1/13; ствол из Музеев Московского Кремля – см.: Гордеев 1954. С. 7–9, инв. № Ор-73, оба ствола установлены на относительно поздних пищалях.

¹¹ Единственным исключением может считаться турецкая пицаль, принадлежавшая оруженному Б.Я. Бельскому (упом. 1570–1611), см.: Государева Оружейная палата. [Каталог]. СПб., 2002. Кат. 88.

¹² Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-151, 1907, первая пицаль представлена в постоянной экспозиции музея. Об авторстве Ивана Лучанинова см.: Ларченко М.Н. Указ. соч. С. 31–32. К сожалению, рисунок дамаска на стволах уже в 1950-е гг. был плохо различим: «но имеющиеся следы, ствол сварен путем закручивания полосы железа спиралью на круглый пруток...» См.: Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 44.

¹³ Переписная книга 1686–1687. Л. 238 № 60, Л. 236–236 об. № 54. Опись царской оружейной казны 1682 г., скорее всего, утрачена, однако в Переписной книге 1686–1687 гг. при описании каждой вещи даются ссылки на ее порядковый номер в описи 1682 г.

¹⁴ Ствол вышеупомянутой пицали Б.Я. Бельского, а также стволы трех пищалей из собрания Музеев Московского Кремля, изготовленных в Оружейной палате во второй четверти – первой трети XVII в., с турецкими гладкими стволами, откованными, судя по клейму, мастером Ахматом, инв. № Ор-414, 1940, 2006). Нерегулярный рисунок дамаска на этих стволах (отсутствие следов спиральной «навивки» при сварке) и сходство рисунка дамаска с узорча-

тым металлом на клинках XVII в. породили в недалеком прошлом мнение, что эти стволы откованы из булатной стали.

¹⁵ ОРПГФ. Музеи Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 17.

¹⁶ Роспись Походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1656 г. Л. 27 [№ 1].

¹⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 236–236 об. № 54; Л. 238. № 60.

¹⁸ См., например, Drejholt Nils. Firearms of the Royal Armouries I. Catalogue. Stockholm. 1996. P. 26–27, cat. G1A 31.

¹⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-160, как и револьверная пятизарядная пицаль, инв. № Ор-№ 153 (см.: Государева Оружейная палата. Кат. 70), сделанная Первушей Исаевым в 1625 г., револьвер выставлен в постоянной экспозиции музея.

²⁰ Государева Оружейная палата. Кат. 71.

²¹ Такая конструкция была реализована, например, в револьверной пищали 1625 г., см. сноску 19. На барабане над каждой камерой выбиралась пороховая полка и крепились скользящая крышка и огниво. Кроме того, на курке фиксировался винный толкатель, сдвигающий крышку пороховой полки в момент наведения курка перед выстрелом.

²² Это ценное наблюдение было высказано А.К. Левыкиным. Долгое время возглавлявший оружейный сектор Музеев Московского Кремля, в настоящее время А.К. Левыкин является директором ГИМа.

²³ Если бы Исаев был крестившимся в православие европейским мастером, он бы получил имя по святцам.

²⁴ Этим можно было бы объяснить невнимание мастера к клейму: на некоторых замках клейма частично закрыты курковыми упорами. См.: Гордеев Н.В. Указ. соч. С. 44.

²⁵ Французские замки в Оружейной палате во второй половине XVII в. часто изготавливали мастера-иноземцы. Первый известный нам замок французского типа работы мастера Оружейной палаты Константина Аввакумова сделан ок. 1709 г. и установлен на строевом мушкетоне из собрания Музеев Московского Кремля, инв. № 626.

²⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-95.

²⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 230 об. № 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7439.

³⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-453.

³¹ Роспись Походной казны 1654 г. Л. 27 [№ 2].

³² Ларченко М.Н. Указ. соч. С. 25, 33.

³³ Замена ветхих лож на новые была проведена, скорее всего, в начале 1830-х гг. при директоре Оружейной палаты Ф.А. Ушакове (1831–1841).

³⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-1959.

³⁵ Роспись Походной казны 1654. Л. 25 [№ 12].

³⁶ «Замоншной мастер Дмитрейко Никонов» с годовым жалованьем семь рублей упоминается в 1649 г. в выписке о жаловании, см.: РГАДА Ф. 396. Оп.1. Ед. хр. № 4153. Л. 8, 9 (дело найдено М.Н. Ларченко) В Росписи Походной казны 1656 г. описаны один карабин и четыре пищали с замками Дмитрия Никонова. В Переписной книге 1687 г. имя мастера не упоминается.

³⁷ В Росписи Походной казны 1656 г. описаны пищали упомянутых мастеров

Лучаниповых с ложами Лариона Деметтьева – см.: Роспись Походной казны 1656. Л. 27 [№ 2] и Л. 27 [№ 8]. Деметтьев работал также в соавторстве с Никитой Давыдовым, Максимом Давыдовым и Григорием Вяткиным. В Росписи Походной казны насчитывается четырнадцать пищальных и карабинных лож, сделанных Ларионом Деметтьевым. В Переписной книге 1686–1687 гг. мастер упоминается единственный раз, как автор лож пистолетов Никиты Давыдова.

³⁸ Переписная книга 1686–1687. Л. 343–343 об. № 19.

³⁹ Музей Московского Кремля, инв. №№ Ор-96, 1945, калибр 12 мм. Парность карабинов нигде не отмечена, один из карабинов находится в постоянной экспозиции Музеев Кремля, без указания имени мастера.

⁴⁰ Переписная книга 1687. Л. 58–358 об. № 4.

⁴¹ Музей Московского Кремля, инв. № Ор-282. Карабин находится в постоянной экспозиции музея.

⁴² В настоящий момент в собрании музея выявлено около десяти предметов огнестрельного оружия, изготовленных Никитой Давыдовым.

⁴³ Кондратий Вяткин – отец Григория.

⁴⁴ Переписная книга 1686–1687. Л. 229. № 34.

⁴⁵ Роспись Походной казны 1656. Л. 27 [№ 4].

⁴⁶ Музей Московского Кремля, инв. №№ Ор-1962 (карабин), Ор-2824, 2825 (пистолеты).

⁴⁷ Переписная книга 1686–1687. Л. 340 об. 341. № 14; в описи 1656 г. имя Григория Вяткина как соавтора карабина не упоминается, см.: Роспись Походной казны 1656. Л. 24 [№ 4].

⁴⁸ Переписная книга 1686–1687. Л. 406 об. 407. № 19.

⁴⁹ См. Е.У. Yablonskaya. Dutch guns in Russia. Amsterdam, 1996. К. 8. P. 72–73.

⁵⁰ Паселепне одной из основных оружейных слобод Москвы, Бронной слободы в результате чумы уменьшилось на 80 %. См.: М.Ю. Романов. Московская Бронная слобода в XVII в. История и люди. М., 2010. С. 47.

⁵¹ В документах XVII в. этот замок назывался «английским» и «шкотским». Но всей видимости, эта разница в наименованиях не была следствием конструктивных или декоративных отличий между «английским» и «шотландским» замками.

⁵² Эта деталь замка англо-голландского типа – накладка, стягивающая винт крепления огнива и винт подогнивной пружины, – как кажется, не имеет специального названия в отечественной оружейной литературе.

⁵³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6763.

⁵⁴ Русские замки на боевом оружии, хранившиеся в Оружейной палате, фиксирует Перечневая роспись государственной оружейной казне 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 3593. Л. 59.

⁵⁵ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 31.

⁵⁶ См. споску 6.

⁵⁷ Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 400. Л. 169 об.–170. № 5939.

⁵⁸ Это ложа на дробовой пищали работы Никиты Давыдова. См.: Мартытова Т.В. Указ. соч. С. 179–181.

⁵⁹ Музей Московского Кремля, инв. № Ор-102, см.: Государева Оружейная палата. Кат. 85.

⁶⁰ В англоязычной литературе «German Butt». В описи Оружейной палаты 1886 г. последовательно приводится название «аркебузный» или «аркебузный немецкий» приклад. См.: Опись Московской Оружейной палаты 1886. № 6613, 6614. Л.К. Маковская называет такой приклад «многопрофильным». См.: Маковская Л.К. Указ. соч. С. 97.

⁶¹ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. Vol. II. London, 1963. P. 176.

⁶² Во внутримуззейной документации эта часть приклада иногда называется «щечкой», однако это может вызвать путаницу с одноименной деталью на прикладах, генетически восходящих к мушкетному; кроме того, функции этого выступа у аркебузного приклада заметно шире, чем служить местом приложения щеки стрелка; этот выступ служит также и для улучшения захвата приклада (в нее упираются пальцы правой руки, лежащие на спусковой скобе), а также является служит дополнительной защитой спускового крючка от случайного нажатия.

⁶³ Переписная книга 1686–1687. Л. 314–314 об. № 43; в англоязычной литературе эта часть аркебузного приклада называется «Butt Wing», ближайший аналог русского «пера» XVII в.

⁶⁴ Работал в 1620-х – 1630-х гг. Данные об этом мастере отрывочны, им выполнена инкрустация на ряде ранних лож Оружейной палаты. Несомненно, Постник Иванов – один из лучших станочных мастеров Оружейной палаты XVII в.